

Кара Мин

Свёкор
ЗАПРЕТНАЯ
терапия

18+

Кара Мин

Свёкор. Запретная терапия

«Автор»

2026

Мин К.

Свёкор. Запретная терапия / К. Мин — «Автор», 2026

Авария забрала у Алисы мужа и едва не лишила руки. Виктор Андреевич, свёкор и ведущий микрохирург, лично провёл восьмичасовую операцию. Он спас её не из милосердия — а потому что не привык терять то, что считает своим. Забрав невестку в свой дом под предлогом реабилитации, он установил жёсткие правила и тотальный контроль над каждым её движением. Но по мере того, как заживали шрамы на теле, между ними вспыхивало нечто запретное.

© Мин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кара Мин

Свёкор. Запретная терапия

Глава 1

Сознание возвращалось рывками, словно кто-то дёргал затвор старого диапроектора. Вспышка — белый потолок. Вспышка — трубка во рту, сухость, металлический привкус. Вспышка — глухая, всепроникающая боль, которая не имела точного адреса, а просто заливала всё тело от затылка до пяток.

Алиса попыталась повернуть голову и не смогла — мешала слабость и тугая пелена боли. Она слышала собственный стон — хриплый, чужой — и чьи-то быстрые шаги. Над ней склонилась женщина в голубой шапочке.

— Не двигайтесь. Вы в больнице. Была авария. Вас доставили три часа назад.

Авария. Слово ударило под дых сильнее боли. Алиса снова дёрнулась, и на этот раз ей удалось приподнять левую руку — правой она вообще не чувствовала, будто та исчезла. Пальцы левой руки вцепились в край простыни.

— Муж... — голос не слушался, выходил сиплым шёпотом. — Где мой муж?

Медсестра отвела взгляд. Этого короткого движения хватило, чтобы Алиса поняла всё. Раньше, чем прозвучали слова.

— Ваш супруг погиб на месте. Мне очень жаль.

Потом была пустота. Не обморок — хуже. Алиса лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, чувствуя, как внутри что-то обрывается и летит в пропасть. Она не закричала — просто не нашла в себе сил. Только слёзы потекли по вискам, затекая в уши, и медсестра вытерла их уголком пелёнки.

Время исчезло. Может, прошло десять минут, может — час. В коридоре слышались шаги — тяжёлые, быстрые, совсем не похожие на мягкое шарканье больничных тапок. Дверь распахнулась резко, без стука.

Алиса скосила глаза и увидела его.

Виктор Андреевич стоял на пороге, заполняя проём плечами. Высокий, сухощавый, в расстёгнутом плаще. Волосы серебрились на висках, но лицо было сухим, без единой старческой складки — только резкие, словно вырезанные скальпелем, черты. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни скорби, ни сочувствия. Только холодная, острая оценка.

— Данные? — бросил он через плечо. Голос был низким, с металлическим отзвуком.

За его спиной возник заведующий районным отделением — полноватый мужчина с усталым, замученным лицом. Он держал планшет с историей болезни.

— Виктор Андреевич, позвольте, это не совсем этично — оперировать невестку...

— Данные, — повторил Виктор Андреевич, и на этот раз в голосе прорезался лёд.

Заведующий замялся, но выдержал паузу лишь секунду.

— Оскольчатый перелом лучевой и локтевой костей правого предплечья. Разрыв сухожилий сгибателей. Множественные рваные раны спины и левого бедра. Правую руку мы зашили, но нужна реконструкция — сухожилия под микроскопом. Такого оборудования у нас нет. Мы планировали санавиацию завтра утром.

— Завтра утром у неё начнётся некроз тканей, — отрезал Виктор Андреевич. Он наконец переступил порог и подошёл к кровати. Посмотрел на Алису сверху вниз. — Санавиация уже здесь. Я прилетел на реанимационном борту. Готовьте операционную. Работаю сам.

Заведующий открыл рот, но осёкся под его взглядом и вышел.

Они остались вдвоём.

Виктор Андреевич сдёрнул с рук перчатки — резким, отработанным движением. Протянул руку и отогнул край простыни. Алиса почувствовала, как его пальцы касаются её правого предплечья — того самого, которое она не ощущала. Движения были быстрыми, профессиональными. Он ощупывал её руку, и на его лице не отражалось ничего.

— Ты чувствуешь это?

— Нет, — прошептала она.

— Ясно.

Он откинул простыню дальше. Осмотрел ногу — тугое месиво бинтов. Поморщился.

— Халтура. Швы наложены с натяжением. Будут келоидные рубцы. Ладно. С этим позже.

Он говорил не с ней — с собой. Алиса смотрела на него, и в мутном, отравленном болью сознании всплывали воспоминания. Этот человек на свадьбе — в дорогом костюме, с вежливой полуулыбкой, держащий бокал шампанского и глядящий на неё тем же цепким, изучающим взглядом. «Береги его, Алиса. Он у меня один». И она кивала, смеялась, обещала.

Теперь его сына не было. А он стоял над ней и ощупывал её переломанные кости с той же отстранённой деловитостью, с какой, наверное, осматривал доставленных с производства рабочих.

— Где болит сильнее всего?

— Везде, — выдохнула она. — Но рука... онемела.

— Это отёк, — бросил он. — Пережаты сосуды. Если не вскрыть в ближайшие часы — ампутация.

Слово упало, как камень в воду. Алиса не ответила — просто закрыла глаза. Ей было всё равно. Пусть отрезают. Пусть делают что угодно. Главное — там, за чертой сознания, её ждал Денис. И может, если повезёт, она уйдёт к нему.

— Открой глаза, — раздалось резко. — Ты не умрёшь. Я тебе не позволю.

Она подчинилась — не потому, что хотела, а потому что голос требовал подчинения без вариантов. Виктор Андреевич наклонился ниже. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её.

— Сейчас тебя повезут в операционную. Ты заснёшь. А когда проснёшься — твоя рука будет спасена. Ты поняла?

— Зачем? — прошептала она.

Что-то пробежало по его лицу — быстрое, неуловимое. Тень. Спазм. Он выпрямился.

— Потому что ты — последнее, что осталось от моего сына. И я не отдам это какой-то районной мясорубке. Это приказ, Алиса. Выполняй.

Он развернулся и вышел. В коридоре уже гремела каталка, кто-то кричал распоряжения, хлопали двери.

Алиса закрыла глаза и позволила рукам санитаров переложить её на каталку. Перед тем как наркозная маска опустилась на лицо, у неё мелькнула мысль: «Он даже не плакал. Он не проронил ни слезинки».

А потом был резкий запах, и мир погас.

Операция длилась восемь часов.

Виктор Андреевич работал стоя, без перерывов. Ассистенты менялись — сначала один, потом другой, — а он оставался на своём месте, склонившись над операционным полем в свете бестеневой лампы. Микроскоп давал сорокакратное увеличение. В этом масштабе разорванные сухожилия выглядели как обрывки канатов, и он аккуратно, стежок за стежком, сшивал их микрохирургической нитью тоньше человеческого волоса.

Титановая пластина легла на лучевую кость с ювелирной точностью. Винты он закручивал сам, отстранив ассистента, — не доверил никому. Пальцы, державшие отвёртку, были абсолютно спокойны.

Только однажды, когда операционная сестра промокала ему лоб от пота, он бросил отрывистое «Свет ярче» — и все поняли, что он не замечал ни времени, ни усталости.

Когда последний шов был наложен и на руку легла стерильная повязка, Виктор Андреевич отошёл от стола и стянул перчатки. Часы показывали начало пятого утра. Ассистенты расправляли затёкшие плечи. Он молча кивнул им и вышел в предоперационную.

Здесь, в одиночестве, прислонился спиной к кафельной стене и закрыл глаза. Грудь сдавило. Он не давал этому выхода — не умел, не привык, считал слабостью. Но руки, которые восемь часов держали скальпель и иглодержатель не дрогнув, теперь тряслись мелкой противной дрожью.

Он сжал кулаки. Не помогло.

Тогда он резко выдохнул, отлепился от стены и пошёл в ординаторскую. Через час должен был прийти послеоперационный отчёт.

Алиса пришла в себя в реанимации.

Первое, что она ощутила — рука. Правая рука болела, ныла, пульсировала, но она её чувствовала. Полностью. От плеча до кончиков пальцев. Боль была адской, но это была живая боль работающих нервов.

Она медленно, с трудом повернула голову.

У окна стоял Виктор Андреевич. Спиной к ней. Плечи опущены, голова чуть наклонена. Он сжимал пальцами переносицу — тот самый машинальный жест, который она уже видела у него когда-то, в прошлой жизни, когда он уставал после сложного дня в клинике.

Она хотела что-то сказать — сама не знала что. Но в этот момент его руки дрогнули. Он судорожно, глубоко вдохнул и выдохнул — звук был похож на сдавленный стон.

Алиса замерла.

Он не плакал. Но что-то в этом сгорбленном силуэте, в этих дрожащих пальцах, в этом надломленном дыхании было страшнее любых слёз. Она вдруг осознала: там, в операционной, он спасал не невестку. Он спасал свою единственную ниточку к погибшему сыну. И одновременно — отрезал эту ниточку, превращая её в нечто другое.

Она закрыла глаза, притворяясь спящей.

Шаги. Он подошёл к кровати и остановился. Долго стоял молча. А потом его голос прозвучал глухо, обращённый не то к ней, не то к самому себе:

— Рука цела. Ты будешь жить.

И вышел.

Алиса открыла глаза только когда дверь закрылась. В палате пахло антисептиком и чем-то ещё — едва уловимым запахом табака и мускуса. Его запахом.

Теперь её жизнь принадлежала ему. Полностью. Без остатка. И от этого понимания по спине пробежал холодок — совсем не похожий на страх.

Что-то другое. Что-то, чему она пока не знала названия.

Глава 2

Выписка из стационара прошла без лишних слов. Виктор Андреевич появился в палате с документами, когда Алиса заканчивала жидкий больничный завтрак. Она держала ложку левой рукой, неуклюже, проливая бульон на подбородник. Правая рука висела на косыночной повязке — неподвижная, чужая, закованная в пластиковую лонгету.

Он остановился в дверях и молча наблюдал за её мучениями. Под этим взглядом пальцы становились ещё более ватными, ложка дрожала, и капли летели мимо тарелки.

— Собирайся, — произнёс он наконец. — Машина внизу.

— Куда? — спросила она, хотя ответ уже был очевиден.

— В мой дом. Здесь ты никому не нужна, а мне нужно контролировать процесс. Швы, реабилитация, разработка. В тут тебя сделают инвалида.

Он не спрашивал — ставил перед фактом. Алиса кивнула. Спорить не было сил, да и незачем. Ей действительно было всё равно, где лежать: в казённой палате с несвежим бельём или в его доме. Санитарка помогла ей одеться. Вещи привёз Виктор Андреевич — мягкий спортивный костюм на размер больше, чтобы проходила лонгета. От прошлой жизни не осталось ничего. Даже одежда теперь принадлежала ему.

Загородный дом встретил тишиной и смешанным запахом старого дерева, антисептика и едва уловимого табака. Постройка из тёмного кирпича, два этажа, высокие окна, запущенный сад за невысоким забором. Внутри всё было добротным и нарочито мужским: кожаные кресла, книжные шкафы, ни одной лишней детали. И стерильная чистота, словно здесь жил не человек, а операционная.

Виктор Андреевич провёл её на первый этаж. Комната, которую он выделил, оказалась просторной, с широкой кроватью и окном в сад. Но среди обычной мебели сразу бросались в глаза детали: поручни у кровати, медицинская кушетка у стены, стойка для капельниц в углу.

— Ты подготовился, — тихо сказала Алиса.

— Я всегда готовлюсь.

Он показал ванную — со специальным стулом и поручнями, столовую, кухню. Говорил коротко, по-делу. Алиса кивала, но сознание плыло. Единственное, чего хотелось — лечь и закрыть глаза.

В первый же вечер он сам сделал перевязку.

Усадил её на кушетку. За спиной зашуршало — он раскладывал инструменты на стерильной салфетке. Алиса смотрела прямо перед собой, в белую стену.

— Сними кофту, — бросил он.

Она дёрнулась.

— Я не могу. Рука...

— Я помогу.

Он подошёл спереди. Без тени смущения расстегнул молнию на кофте, помог стянуть левый рукав, потом осторожно, почти невесомо, освободил правую руку. Алиса осталась сидеть в лифчике, чувствуя, как горит лицо. Он даже не посмотрел.

— Теперь спину. Наклонись вперёд.

Его пальцы сухо пробежались по застёжке, расстегнули. Лифчик соскользнул с плеч. Алиса прижала здоровую руку к груди, прикрываясь.

— Руку убери. Мне нужно обработать швы на спине. Здесь три раны, и все воспалены.

Она зажмурилась и убрала руку. Стало холодно и обжигающе стыдно. Но его движения были абсолютно бесстрастными. Сухие, твёрдые пальцы прошли по лопаткам, нащупывая повязки. Он срезал пластырь, снял марлевые салфетки.

— Будет щипать. Терпи.

Хлоргексидин обжёг кожу. Алиса вцепилась левой рукой в край кушетки. Он обрабатывал раны медленно, методично, не пропуская ни миллиметра. Потом наложил свежие салфетки, закрепил пластырем.

— Теперь рука.

С рукой было сложнее. Он снял лонгету, осмотрел швы. Пальцы ощупывали предплечье — не грубо, но требовательно. Алиса смотрела на свою конечность и не узнавала её. Чужая, распухшая, в синяках и корках запёкшейся крови.

— Отёк спадает. Это хорошо. Завтра начнём пассивную разработку.

— Уже?

— Если ждать — сухожилия срастутся неправильно. Будет контрактура. Рука перестанет сгибаться. Ты этого хочешь?

— Нет.

— Тогда завтра.

Он заново зафиксировал лонгету, помог надеть кофту и вышел, не сказав больше ни слова.

Алиса осталась сидеть на кушетке. Щёки всё ещё горели от стыда за собственную наготу, но к этому чувству примешивалось другое, куда более странное. Его руки. Они были повсюду и только что касались её спины, плеч, запястья. В этих прикосновениях не было ни капли неуверенности или смущения. Только власть. Только абсолютный, всепроникающий контроль.

Она легла в кровать и долго слушала, как наверху стихают его шаги.

Первая неделя превратилась в череду одинаковых, мучительных дней.

Утро начиналось с перевязки. Потом он приносил завтрак — кашу, творог, обязательно стакан воды с растворённым кальцием. Алиса ела левой рукой, медленно, неловко, роняя крошки. Он не помогал. Стоял у окна и смотрел.

— Быстрее. Каша стынет.

— Я не могу быстрее. У меня одна рука.

— Значит, учись.

Он не давал поблажек. Ни одной. Если Алиса пыталась отказаться от еды — он садился напротив и ждал, пока тарелка не опустеет. Если она плакала — не утешал. Просто протягивал салфетку и говорил: «Вытри лицо и продолжай».

Самой страшной была разработка.

На третий день после выписки он усадил её на стул, снял лонгету и положил предплечье на стол ладонью вверх.

— Сейчас я буду сгибать пальцы. Моя задача — разбудить сухожилия. Будет больно. Терпи. Кричи сколько хочешь.

— А можно без этого?

— Нельзя.

Он взял указательный палец и медленно, плавно согнул его. Алиса вскрикнула. Боль была острой, как удар тока. Палец не слушался, сопротивлялся, внутри что-то хрустело и натягивалось.

— Тише. Это спайки. Их надо разорвать.

— Пожалуйста, хватит... — слёзы брызнули сами собой.

— Можешь, — его голос звучал глухо. — Ты сильнее, чем думаешь.

Он продолжал. Палец за пальцем. Медленно. Безжалостно. Алиса выла, вцепившись здоровой рукой в стол, а он всё гнул и разгибал её непослушные суставы. От его ладони, фиксировавшей предплечье, исходил сухой жар.

Когда процедура закончилась, Алиса обессиленно сползла со стула. Рыдания душили. Она ненавидела его в эти минуты — остро, чисто, до дрожи в пальцах.

— Молодец, — сказал он неожиданно мягко. — На сегодня всё.

И вышел.

Вечером она лежала в кровати, опустошённая. Рука гудела. Спина ныла. Но где-то под всей этой болью зрело нечто третье, чему она не находила объяснения. Каждый раз, когда его пальцы касались кожи, внизу живота что-то сжималось. Не от страха. От чего-то горячего и тёмного, пугавшего сильнее самой острой боли.

К концу второй недели Алиса начала замечать то, что раньше ускользало.

Виктор Андреевич вставал в шесть утра. Она слышала, как он ходит по второму этажу, потом спускается, варит кофе. Ровно в семь приносил ей завтрак. В восемь начиналась разработка. В полдень он уезжал в клинику — на несколько часов, не больше. Возвращался к обеду. Сам готовил, сам убирал, сам стирал её одежду.

В доме не было ни домработницы, ни повара. Он всё делал сам — так же методично и безошибочно, как оперировал.

— Почему вы всё делаете сами? — спросила она как-то.

Он замер на секунду.

— Потому что не люблю чужих в доме. Это моё пространство. Здесь всё должно быть под контролем.

— И я тоже? — вырвалось у неё.

Виктор Андреевич повернулся и посмотрел на неё цепким, ничего не выражающим взглядом.

— Ты особенно.

Больше они к этому разговору не возвращались.

На третьей неделе сняли швы. Виктор Андреевич достал пинцет и маленькие изогнутые ножницы. Алиса сидела на кушетке, вытянув руку.

— Не смотри, — велел он. — Отвернись.

Она отвернулась, но всё равно чувствовала каждое прикосновение. Лёгкое подёргивание — он поддевал узелок. Щипок — нить выходила из кожи. Это было не больно, но почти интимно.

— Готово.

Она посмотрела на руку. Поперёк предплечья тянулся шрам — ровный, тонкий, словно проведённый по линейке. Его работа.

— Красиво, — вырвалось у неё.

Виктор Андреевич хмыкнул.

— Хирург не должен делать красиво. Он должен делать функционально. Но да, шов хороший. Будет почти незаметен.

Он провёл пальцами вдоль шрама, проверяя края. Подушечки скользнули по коже чуть дальше — туда, где начиналось запястье и бился пульс. Задержались на долю секунды дольше, чем требовалось для осмотра. Алиса замерла. Он убрал руку и встал.

— Завтра начинаем активную разработку. Будешь рисовать.

— Что?

— Карандаш, бумага. Мелкая моторика. Это лучшее упражнение.

Вечером он принёс в её комнату альбом и набор простых карандашей, положил на тумбочку.

— Держать карандаш пока будет трудно. Ничего. Начинай с простых линий. Прямые, круги, волны. Постепенно усложняй.

Алиса взяла карандаш левой рукой — правая ещё не слушалась — и попробовала провести линию. Вышло криво и жалко.

— Я не смогу. Я художница, а рисую как неумеха.

— Сможешь, — отрезал он. — Я сказал — сможешь.

И вышел.

К концу первого месяца она научилась держать ложку правой рукой. Пальцы ещё были слабыми, дрожали, но уже гнулись. По утрам, пока он не заходил, Алиса садилась к столу и рисовала круги. Один круг, второй, третий. Линия плыла, карандаш выпадал, но она поднимала его и продолжала.

Однажды вечером, когда он делал очередную перевязку спины, Алиса задала вопрос, который всё это время вертелся где-то под горлом.

— Почему вы не плакали? На похоронах. Вы не проронили ни одной слезы.

Виктор Андреевич замер. Его руки, державшие марлевую салфетку, остановились на её лопатке.

— Слёзы не воскрешают, — сказал он глухо.

— Но это же ваш сын.

— Я знаю. Я знаю, кто он мне.

И продолжил перевязку. Разговор был окончен.

Ночью Алиса проснулась от странного звука. Сначала не поняла — то ли ветер за окном, то ли скрип половиц. А потом различила: шаги. Медленные, тяжёлые. Он ходил по второму этажу из угла в угол, из угла в угол, до самого рассвета.

Утром Виктор Андреевич как ни в чём не бывало принёс ей завтрак. Глаза были сухими. Голос — ровным.

— Сегодня попробуем удерживать карандаш правой рукой.

Это был человек, не умеющий плакать. Он умел только ходить по ночам. И лечить. И требовать.

Прошло полтора месяца.

Рука работала уже на сорок процентов. Алиса могла сама одеваться, сама есть, сама расчёсывать волосы. Шрамы на спине затянулись и побледнели. Она начала выходить в сад — сначала на пять минут, потом на полчаса. Виктор Андреевич не запрещал. Наоборот — сам велел дышать свежим воздухом.

Его поведение тоже начало меняться. Едва заметно. Он всё так же был требователен, всё так же контролировал каждую мелочь, но в голосе иногда проскальзывали нотки, которых она раньше не слышала.

Однажды, когда Алиса рисовала за столом, он остановился за её спиной. Она не обернулась. Его присутствие угадывалось по теплу и по тому, как воздух в комнате становился плотнее. На листе проступали его руки — те самые, что спасли её. Пальцы, держащие невидимый скальпель.

— Похоже, — сказал он.

И вышел.

В другой раз он принёс дорогие масляные краски. Поставил на стол, не комментируя.

— Когда разработаешь руку окончательно, перейдёшь на это.

— Вы хотите, чтобы я рисовала?

— Я хочу, чтобы ты была здорова. Рисование — часть терапии.

Но его взгляд задержался на её старом наброске. И этого короткого взгляда хватило, чтобы понять: нет, не только терапия.

Между ними натянулась струна. Невидимая, тугая, готовая зазвенеть от любого неверного движения.

Алиса чувствовала это напряжение кожей. В том, как долго он теперь задерживал пальцы на её плече во время очередного упражнения. В том, как его голос звучал, когда он произносил её имя в конце дня. В том, как сама она невольно задерживала дыхание, услышав его шаги в коридоре.

Страх и ожидание сплелись в одно неразборчивое, жгучее чувство.

И тишина в доме звенела всё громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.